

- ⁸ История русской духовной миссии в Китае / под ред. С. Л. Тихвинского, В. С. Мясникова, А. С. Ипатова [и др.]. М., 1997. С. 12.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² См.: *Шишмарев Я. П.* Русский консул в Монголии : отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
- ¹³ См.: *Рожков В. П.* Методологическая поляризация русского марксизма и русской религиозной философии на рубеже XIX–XX столетий // *Русская философия : единство и многообразие* / под ред. проф. В. А. Фриуфа. Саратов, 2010. С. 26–44.
- ¹⁴ Приветственное слово Преосвященнейшего Лонгина, Епископа Саратовского и Вольского // *Православная культура: ценности классической науки, образования и искусства* : в 2 т. Саратов, 2010. Т. 1. С. 4.
- ¹⁵ См.: *Устьянцев В. Б.* Амбивалентный человек в обществе риска // *Православный миссионерский форум ПФО. Православная культура как основа духовного возрождения России.* Саратов, 2007. С. 79.
- ¹⁶ См.: *Латов Ю. В., Латова Н. В.* Страны восточнославянской цивилизации на ментальной карте мира по методике Хофстеда // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества ... Кн. 3. С. 186.
- ¹⁷ См.: *Мартыненко Н. П.* «Вэньцзы» и истоки китайской культуры // *Вопр. философии.* 2004. № 9. С. 115.
- ¹⁸ См.: *Линь Яньмэй.* О теории социалистического гармоничного общества // *Вопр. философии.* 2007. № 5. С. 38–44.
- ¹⁹ См.: *Россия – Китай : образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. : сравнительный анализ* / отв. ред. Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяо Мэнь. М., 2007. С. 7.
- ²⁰ *Боровская Н. Е.* Образовательная империя в социалистическом Китае // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Март. С. 70–71.
- ²¹ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²² *Россия – Китай ...* С. 470.
- ²³ *Полтерович В.* Стратегии реформ в Китае и России // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Февраль. С. 34–37.
- ²⁴ *Бажанов Е.* Наблюдение из посольства. Начало 80-х // Там же. С. 38–41.
- ²⁵ См.: *Бурдьё П.* Дух государства : генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. ; СПб., 1999. С. 125–166.
- ²⁶ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. М., 2006. С. 85.
- ²⁷ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²⁸ См.: *Кантор В. К.* Евг. Трубецкой : совместимы ли христианская демократия и русская идея равенства? // *Вопр. философии.* 2007. № 11. С. 20.

УДК 1:[316.473+316.3+316.334]

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. М. Соколова

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению двух моделей социальности – субстанциональной и коммуникативной. Автор отмечает, что каждая из этих моделей описывает только один аспект социального бытия, в связи с чем возникает необходимость поиска новой модели социальности. Одной из таких моделей является теория институциональных матриц.

Ключевые слова: социальность, общественное бытие, коммуникация, социальный институт, институциональная матрица.

The Substantial and Communicative Models of Sociality: the Comparative Analysis

D. M. Sokolova

The article provides discussion of substantial and communicative models of sociality. The author notes that each of these models

describes only one aspect of the social being. That's why there is a need of searching of new models of sociality. The theory of institutional matrices is one of such models.

Key words: sociality, social being, communication, social institution, institutional matrix.

В истории философии можно выделить два направления, в которых осуществлялась концептуализация социального. Исторически первой сложилась субстанциональная модель; ее истоки восходят к философии Платона, однако учитывая тот факт, что античность не знала представления о социальном, считать его основоположником данной концепции было бы ошибочным. Г. В. Ф. Гегель, которого принято считать автором субстанциональ-

ной модели социальности, в «Философии права» утверждает, что субстанциональность как таковая осталась не осмысленной Платоном¹. Идея, которая в скрытом виде содержалась в его диалогах и подспудно присутствовала в учениях средневековых и новоевропейских мыслителей, впервые была высказана в немецкой классической философии Гегелем, наделившим субстанцию свойствами саморазвития и самодвижения и предложившим рассматривать ее в качестве субъекта – Абсолютного духа, который является источником всего существующего. Установленные в обществе нормы признаются легитимными только в силу того, что они вытекают из природы вещей, в порядок которых встроен человек как наиболее совершенное проявления субстанции – Абсолютного духа, – но не более чем проявление. Таким образом, социальное, по Гегелю, представляет собой нечто в себе и для себя всеобщее, нечто субстанциональное.

В субстанциональной модели социальности не важна роль субъекта. Это выразил Гегель, когда говорил о том, что не следует бояться, что к власти придет человек, не наделенный способностями к управлению, ибо от его свободной воли почти ничего не зависит. Установка на нивелирование человеческой личности была воспринята К. Марксом, для которого субстанцией социального является капитал². После открытия М. Вебером значения взаимоотношений для понимания природы общества интерес к субстанциональным теориям уменьшился. Второе рождение субстанционализм получил в трудах ряда постмодернистов, отказавшихся от классического понимания субстанции и ищущих новые субстанциональные формы для выражения подлинной глубины социальной реальности. В качестве таких форм могут выступать социальные тела (у М. Фуко и Ж.-Л. Нанси), бессознательные структуры (у К. Леви-Строса и Л. Альтюссера), большой Другой (у С. Жижека)³. Субстанциональные формы до сих пор используются в теоретических конструкциях социальной философии, некоторыми качествами субстанции обладают символический капитал и знание, понимаемое в качестве связки социального, как это постулируется концепцией общества знаний. Однако в настоящий момент мы должны констатировать уход от субстанциональной модели. Это во многом объясняется ее тяготением к преодолению всего того, что выбивается из общей схемы, и поиску единой и универсальной основы социальных явлений. Для современного мира, стремящегося к единству в многообразии, различия, напротив, приобретают фундаментальную значимость и становятся исходным принципом организации общественного бытия. Кроме того, в субстанциональном подходе отрицается роль субъекта, что не может быть принято эпохой, главной ценностью которой провозглашается человеческая личность.

Активный социальный субъект и главенствующая роль коммуникаций в генезисе социального – основные принципы коммуникативной модели, согласно которой социальное есть нечто становящееся и постоянно воспроизводящееся в актах непрерывной коммуникации. В основе концепции коммуникативной социальности находится понятие интерсубъективности, обозначающее основу общности и коммуникации разрозненных Я, образующих целостный и единый социум. Его разработка осуществлялась в рамках феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца, утвердившей следующее понимание интерсубъективности в качестве универсального кода, владея которым Я может понимать те смыслы, которые вкладывают в мир другие, и наоборот⁴. Интерсубъективность как основание коммуникации рассматривает Ж.-Ф. Лиотар. Согласно его концепции, нынешнюю социальную реальность можно охарактеризовать как распыленную и дискретную, разбитую на множество взаимодействующих между собой частиц. Существующая между ними социальная связь основана на речевых «приемах», которые он вслед за Л. Витгенштейном обозначает термином «языковые игры». Это понятие используется для обозначения любого взаимодействия индивидов, любой социальной практики, в том числе отношений и власти и подчинения. По сути, коммуникация и есть не что иное как фундаментальная языковая игра⁵. Социальность при этом представлена атомами, включенными в гибкие сети языковых игр. К.-О. Апеля сокращает количество языковых игр, полагая, что человек в процессе социализации обучается одной единственной, но вместе с ней усваивает и языковую компетенцию, которая дает возможность воспринимать другие игры и становиться их равноправным участником.

Эта позиция была воспринята и разработана последователем К.-О. Апеля Ю. Хабермасом, наделившим первостепенной значимостью не реалии социального мира, а их трактовку, рождающуюся в процессе повседневных коммуникативных практик. Ю. Хабермас утверждает, что для того, чтобы понять то или иное событие, необходимо быть его участником, так как социальность рождается в диалоге, объединяющем всех членов языковой общности. Утверждение какого-либо смысла, претендующего на социальную значимость, возможно только при его принятии в процессе коммуникативного действия, подразумевающего всеобщее участие в дискуссии: «...та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу»⁶. При этом достижение согласия является целью и средством коммуникативных практик. Нарушение консенсуса приводит к возникновению конфликтов, отри-

панию принятых социальных норм и, в конечном итоге, прерыванию интеракции. Восстановление согласия возможно только в дискуссии.

В современной социальной философии коммуникативный подход популярен. В отечественной литературе он представлен двумя основными концепциями. Диспозиционно-коммуникативная модель в лице ее представителей (П. К. Гречко, И. А. Мальковской, С. В. Рудановской и др.⁷) утверждает, что социальное в первом приближении представляет собой многообразные отношения между субъектами, а именно – взаимоотношения. Оно воспроизводит себя не как труд, а как язык и мышление, причем континуально взятые, как язык-и-мышление. Говорящий и мыслящий субъект как «человек жизни» является «первокирпичиком» социального: «Социальное <...> состоит не из “общений”, а из отношений, коммуникативных и интересубъективных по своей природе»⁸. Авторы концепции полисубъектной социальности В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, С. А. Азаренко предлагают отказаться от редукции социального к внешним по отношению к индивидам структурам и системам коммуникативного и другого взаимодействия⁹. Концепция полисубъектной социальности противостоит метафизическим концепциям, всегда редуцировавшим социальность к неким абсолютам, каковыми являлись дух, материя, божественное начало. Смысл социального бытия всегда виделся за пределами самого социального, подвергаемого объективации и субстантивации: «...социальность – это не общая субстанция, форма или общее бытие. Социальность – это бытие-вместе»¹⁰.

Реалии современного мира ставят под сомнение истинность обеих моделей, ибо ни одна из них не отражает социальной реальности во всей ее полноте. Понятие социального зачастую отождествляется с родственными ему понятиями общества и социума. В определенной степени это справедливо, так как все они используются для обозначения совокупности многообразия отношений, возникающих в совместной жизни людей и непрерывно воспроизводимых ими в процессе деятельности¹¹. Однако понятие социального, или социальности, представляется более широким по сравнению с теми, которые часто используются как его синонимы, поэтому необходимо провести между ними четкое разграничение.

Социальное – понятие онтологическое, в высшей степени абстрактное. Оно выражает предельные основания общественного бытия. П. К. Гречко определяет его как «пространство взаимного отношения, взаимного присутствия, взаимности»¹². При этом важной интегральной частью социального оказывается смысл, который никогда не является предзаданным, но всегда рождается в актах коммуникации.

Между тем это не единственно возможное понимание общественного бытия. В. Е. Кемеров

в своих работах отмечает, что существует два понимания его природы: согласно первому социальное – это то, что существует «в людях» и «через людей», согласно второму – то, что существует «рядом с людьми» и «над ними». Таким образом, второе понимание оказывается за гранью определения, даваемого современными исследователями. Сейчас в философии преобладает трактовка социальности, связывающая ее не с сущностями и субстанциями, а со взаимодействием и актами коммуникации, однако это не единственно возможный способ восприятия социальности.

В настоящее время в гуманитарной науке идет поиск новых концепций, в которых были бы преодолены крайности как субстанционального, так и коммуникативного проектов. В частности, в рамках нового институционализма, или постинституционализма, формируется особое видение социальной реальности сквозь призму социальных институтов, представляющих собой не жесткий каркас норм и стереотипизированных моделей поведения, а «гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия»¹³. В постинституционализме под институтами понимают правила, «которые регулируют практики повседневной деятельности и поддерживаются ими»¹⁴. Эти правила не являются результатом договора или соглашения, они складываются в результате социального развития и предопределены его динамикой. Социальные доминанты, оказывающие влияние на формирование институтов и институциональных образований в постинституционализме, получили название институциональных матриц.

Теория институциональных матриц – это один из вариантов преодоления ограниченности субстанциональной и коммуникативной концепций социального. Она предлагает рассматривать общественное бытие сквозь призму тех отношений, в которые вступают между собой не индивиды или социальные общности, а различные институты и институциональные образования. Эта теория, несмотря на то что она зародилась в экономике и преимущественно разрабатывалась социологами, носит междисциплинарный характер. Ее авторы, среди которых следует особо выделить Д. Норта¹⁵, С. Г. Кирдину¹⁶, О. Э. Бессонову¹⁷, не умаляют роли коммуникации в становлении форм организации общественной жизни, но отмечают, что ее возможности всегда ограничены, ибо они детерминированы той институциональной матрицей, в пределах которой происходят изменения. Иными словами, институциональные матрицы несут в себе некий социальный код, который хранит информацию о формах социальности и сложившихся моделях социальных отношений. Заложение основ институциональных матриц происходило еще в архаическую эпоху, и в данной связи представляется далеко не случайным тот

факт, что каждый раз при попытках вживления чуждого институционального порядка или в момент социальных потрясений начинаются реставрация архаических институтов и воспроизводство архетипических социальных практик.

Впервые понятие институциональных матриц применяет Д. Норт, когда утверждает, что специфика социального развития зависит от природы институциональных образований, сложившихся в том или ином конкретно взятом обществе. Согласно Д. Норту, институциональные матрицы состоят из комплекса взаимозависимых правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет экономическую деятельность. Их устойчивость определяется тем, что они обладают свойствами самоподдерживаться и самовоспроизводиться. Даже при активном вмешательстве со стороны институциональные матрицы продолжают оказывать доминантное воздействие на все протекающие в обществе процессы. Именно этим объясняется то, что направление социального развития очень сложно изменить.

Идея о том, что любые изменения, которые происходят в обществе, испытывают влияние сложившихся в обществе институциональных форм и именно от характера последних зависит успех или неудача всех социальных преобразований, была воспринята российскими исследователями С. Г. Кирдиной и О. Э. Бессоновой, в работах которых была осуществлена разработка понятия институциональных матриц. Исходя из этой теории социальные практики обусловлены глубинными и исторически обусловленными формами организации общественного бытия, закрепленными в базовых институтах. Ее главное положение гласит, что институциональные формы, присущие одной институциональной матрице, не могут быть эффективны в обществе с другим типом такой матрицы. Именно этим объясняется неудача реформ, сводящих модернизацию к насаждению институций, присущих более развитым государствам.

В целом теория институциональных матриц обладает определенными преимуществами по сравнению с субстанциональной и коммуникативной моделями социальности. Однако она также не охватывает социальной реальности во всей полноте, делая акцент на ее структурных составляющих. При этом не выясненным до конца остается вопрос, каково место личности в таком обществе, оказывает ли она влияние на социальные процессы или же полностью растворяется в институциональных образованиях, взаимодействующих между собой. Синтез субстанциональной и коммуникативной моделей должен осуществляться таким образом, чтобы учитывались достоинства обеих. Субстанциональная модель описывает фазы стабильности, коммуникативная – переходные состояния общества, т. е. и та

и другая описывают социальную реальность, но в разных временных структурах. Поэтому имеет смысл говорить, что в основе общества лежат два начала – субстанциональное и интересубъективное, так как интересубъективность делает возможной коммуникацию.

Примечания

- 1 См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 230.
- 2 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 4 т. Т. 1. Процесс производства капитала. М., 1988. С. 165–166.
- 3 См.: Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006 ; Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002 ; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001 ; Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2009 ; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999 ; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
- 4 См.: Гуссерль Э. Картезианские рассуждения. СПб., 1998 ; Шюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
- 5 См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 1998.
- 6 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 91.
- 7 См.: Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009 ; Мальковская И. А. Знак коммуникации : Дискурсивные матрицы. М., 2008.
- 8 Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы. С. 59.
- 9 См.: Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007 ; Кемеров В. Е. Полисубъектная социальность и проблема толерантности // Толерантность и полисубъектная социальность : Материалы конф. Екатеринбург, 2001. С. 12–19 ; Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007.
- 10 Керимов Т. Х. Неразрешимости. С. 21.
- 11 См.: Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М. ; Екатеринбург, 2006. С. 310.
- 12 Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы. С. 48.
- 13 Радаев В. В. Новый институциональный подход // Журн. социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 3. С. 113.
- 14 Там же. С. 112.
- 15 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- 16 Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000 ; Кирдина С. Г. Теория институциональных матриц : в поисках новой парадигмы // Журн. социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 1. С. 101–115.
- 17 Бессонова О. Э. Интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания // Журн. социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 2. С. 15–32.